

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ»

Филологический факультет

К. К. Эфрос

**Ситуация двуязычия и языковая рефлексия
(на примере сборника Дины Рубиной
«...Их бин нервосо!..»)**

Выпускная квалификационная работа

Научный консультант –

к. ф. н. Е. В. Кузьмицкая

Санкт-Петербург

2012

Содержание

Введение.....	3
1. Рефлексия как объект изучения науки.....	6
2. Билингвизм (двуязычие) как мотивация к рефлексии	14
3. Языковые средства выражения рефлексии в тексте.....	27
3.1 Коммуникативные рефлексивы.....	27
3.2 Концептуальные рефлексивы.....	49
Заключение.....	61
Список опубликованных источников и литературы.....	63
Приложение. Анализируемые на предмет рефлексии отрывки из сборника Д. Рубиной «... Их бин нервосо!...».....	68

Введение

Тема рефлексии в языке сегодня очень актуальна, так как жизненные ситуации и изменяющаяся, эволюционирующая реальность дают нам все новые и новые поводы для самоанализа. Среди таких поводов особо важно отметить ситуацию билингвизма, в которой все чаще оказывается современный человек. Обладание сразу двумя и более языками заставляет задуматься о важности одного из этих языков, о мотивации для совершенствования изучаемого языка, о корректности употребления того или иного языка в разных ситуациях, о невольно появляющихся в сознании билингва аллюзиях, ассоциациях, возникающих при употреблении слов, близких по звучанию, но разных по значению в тех языках, которыми владеет билингв. Итогом таких ассоциаций могут стать коммуникативные неудачи, так как зачастую проведенные аналогии в сознании индивида могут не соответствовать действительному значению слова, что влечет за собой его неверное истолкование – негативный результат рефлексии над языками.

Актуальность данного вопроса подтверждается наличием рефлексии в произведениях разных авторов, в том числе в произведениях Дины Рубиной. Наиболее выпукло это проявляется в сборнике рассказов «...Их бин нервосо!..», который стал объектом для нашего исследования. Предметом исследования являются языковые средства, в которых отражается языковая рефлексия.

Цель исследования – показать разнообразие языковых средств, воплощающих языковую рефлексия в тексте.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- изучить понятия «рефлексия» (с углублением в языковую рефлексию) и «билингвизм»;

- исследовать биографию Дины Рубиной, дабы выявить факты ее жизни, совпадающие с описанными в рассказах сборника «...Их бин нервосо!..»;

- выделить цитаты из рассказов сборника «...Их бин нервосо!..», относящиеся к описанию рефлексии и свойств двуязычия;

- проанализировать цитаты с точки зрения отражения в них билингвизма и рефлексии, дабы определить их влияние на самоощущения и самосознание автора;

- составить типологию рефлексивов;

- сопоставить проанализированные цитаты с реалиями биографии Дины Рубиной;

- сделать вывод о влиянии билингвизма на мировосприятие автора.

Теоретическая значимость работы – в совершенствовании типологии рефлексивов с учетом ситуации билингвизма.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать данные материалы при анализе художественного текста, а также в возможности через текст увидеть особенности языковой личности в аспекте отношения к языку и окружающему миру. Изучение рефлексивов языка помогает увидеть степень адаптации человека к новым условиям, а также помогает выявить появление нового самосознания и новой самоидентификации индивида в

обществе. Материалы работы могут быть использованы при совершенствовании программ ассимиляции иммигрантов.

1. Рефлексия как объект изучения науки

Явление рефлексии активно исследуется в разных областях науки: философии, социологии, психологии и лингвистике.

Такой интерес к данному явлению обусловлен большой значимостью его для жизни человека, так как именно это качество человека делает его самим собой, то есть индивид может анализировать свои действия, трактовать их под тем или иным углом зрения.

Следовательно, рефлексия – это «<...> - размышление над собственными побуждениями и действиями, самонаблюдение»¹ или «<...> размышление, полное сомнений, противоречий; анализ собственного психического состояния».²

Роль рефлексии заключается в том, чтобы помочь индивиду проанализировать собственное психическое состояние, познать себя, осознать свое место в социуме, переосмыслить жизненные ценности и понять, что действительно важно для него, а что нет.

Наиболее широкий подход в рассмотрении рефлексии представлен в философии, где под рефлексией понимается «форма теоретической деятельности человека, направленная

¹ Большой словарь иностранных слов. / Сост. Москвин А. Ю. – М., 2007. С. 583.

² Новейший иллюстрированный словарь иностранных слов: ок. 30000 слов и словосочетаний: более 5000 ил. Гришина Е. А. – М., 2009. С. 608.

на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Содержание рефлексии определено предметно-чувственной деятельностью: рефлексия в конечном счете есть осознание практики предметного мира культуры. В этом смысле рефлексия есть метод философии, а диалектика - рефлексия разума»³. Данное определение акцентирует внимание на двух видах рефлексии: осмыслении внешней деятельности человека и осмыслении внутренних психических состояний.

В свою очередь, «в социологии и социальной психологии рефлексия – не только знание и понимание субъектом (социальным актором) самого себя, но и осознание им того, как он оценивается другими индивидами (концепция «отраженного» или «зеркального» Я), способность мысленного восприятия позиции «другого» и его точки зрения на предмет рефлексии».⁴

Таким образом, «рефлексия – одно из самых парадоксальных, а потому загадочных понятий. <...> Рефлексия – это мыслительный акт, в котором обнаруживается исходный предмет мышления, но не обнаруживается процесс самого акта. Рефлексия - это мышление мышления, это «производная» мышления».⁵

По Г. П. Щедровицкому, «<...> рефлексия начинает трактоваться как сознание сознания, или самопознание».⁶

³ Большая Советская Энциклопедия В 30 томах, т. 22. - М., 1975. С. 55.

⁴ Новейший философский словарь. / Сост. Грицанов А.А., Абушенко В. Л. - Минск, 1998. С. 571.

⁵ Батов В. И. Рефлексия словесного творчества: язык умер, да здравствует язык. Стихи Вадима Рабиновича: опыт психогерменевтики. - М., 2008. С. 46-47.

⁶ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. - М., 1995. С. 485.

«Часто это понятие используется в качестве синонима понятия «размышление», и в этом случае понятие «рефлексия» как бы отрывается от своей этимологической основы (от лат. reflexio — обращение назад) и приобретает весьма широкий смысл. Именно первый, «узкий» смысл понятия рефлексии, связанной с выбором особого угла зрения, задаваемого переносом внимания с предмета, объекта на субъект и его активность, на собственные познавательные возможности и средства, отвечает действительному (специфическому) содержанию этого понятия». ⁷

Исходя из всего вышесказанного, под рефлексией мы понимаем стремление человека к самоосмыслению, самоанализу, самопознанию и самоосознанию.

Рефлексия может быть вызвана разными причинами, среди которых можно назвать следующие: а) отдельные мысли, вызванные определенными ситуациями, б) глобальные процессы, происходящие в обществе, среди которых можно назвать, например, экономический кризис, и в) иммиграция, когда человек оказывается в другой языковой и культурной среде. Таким образом, к рефлексии человека побуждает изменение привычных условий жизни.

Исследование рефлексии позволило выявить ее различные типы, в частности выделяют следующие: *«элементарная рефлексия* [курсив наш – К.Э.], приводящая к рассмотрению и анализу знаний и поступков, к размышлению об их границах и значении; *научная рефлексия* [курсив наш – К.Э.] – критика и анализ теоретического знания <...>; *философская рефлексия* [курсив наш – К.Э.] – осознание и осмысление предельных

⁷ Прохоров Б. Б. Экология человека. - М., 2011. С. 57.

оснований бытия и мышления человеческой культуры в целом».⁸

Рефлексия может быть направлена как на других людей, так и на себя, т.е. выделяют саморефлексию.

В современной лингвистике также обращают внимание на это явление, так как «рефлексия говорящего над речью, ее осознание и контроль над ее порождением, занимает в речевых процессах огромное место».⁹ Но в области филологии исследуются прежде всего слова, которые помогают выразить рефлексию.

Многие ученые интересовались процессом языковой рефлексии. В частности, идею уровней осознания речи и ее контроля, размышления человека над процессом коммуникации развивали такие ученые, как Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов, В.Б. Шкловский, О.М. Брик, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Jakobson, В.М. Жирмунский, Л.С. Выготский и др.

Первым ученым, поставившим проблему рефлексии в речевом процессе, был И. А. Бодуэн де Куртенэ. «Он не только резко протестовал против отождествления психики и сознания, не только последовательно противопоставлял «языковое мышление» и «языковедное мышление», которые, по его словам, различаются «... настолько, насколько знание физиологических процессов отличается от их совершения» (Бодуэн, 1963, т.1, с. 52), но и ввел очень важное понятие

⁸ Митюшин А. А. Рефлексия. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах, т. 22. – М., 1975. С. 579-580.

⁹ Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. - 3-е изд. – М., 2003. С. 154.

постепенной «автоматизации языковых функций» (там же, т.2, с. 316)». ¹⁰

Нужно также учитывать тот факт, что феномен рефлексии в языке изучен пока недостаточно, до сих пор не существует четко сформулированной теории о контролируемой и осознанной речи.

Среди современных исследователей языковой рефлексии, наиболее полно изучивших рефлексивы, то есть языковые средства, которые «представляют собой вербализацию сознательных интеллектуальных усилий по преодолению автоматизма речевых действий»¹¹, можно выделить И.Т. Вепреву, А. А. Леонтьева, А. Д. Швейцера.

Таким образом, рефлексивы – непосредственно составляющие языковой рефлексии – это слова и предложения, с помощью которых выражается рефлексия. Среди них можно назвать метаязыковые высказывания, содержащие эмотивный или когнитивный посыл, комментарий к той или иной ситуации, погруженный в собственно лингвистический контекст.

Рефлексивы могут содержать как отрицательную, так и положительную оценку, ибо мы чаще всего встречаем оценочный, нежели беспристрастный комментарий. Рефлексивы отображают характеристику комментируемого действия или высказывания, что выражается прилагательными или глаголами, обозначающими эмоциональную окраску. Также в рефлексиве кроме сенсорной оценки присутствуют и дополнительные пояснения, в результате приводящие к расплывчатости и нечеткости границ рефлексива.

¹⁰ Там же. С. 155.

¹¹ Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002. С. 101.

На основе метаязыковых знаний индивида, которые являются частью его сознания, выделяют два типа рефлексивов: «1) рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие контроль на речепорождающем уровне; 2) рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение в речемыслительной деятельности и возникающие на уровне превербального этапа формирования речевого высказывания». ¹²

Также существуют различные критерии языкового напряжения, порождающего определенные типы рефлексивов в процессе коммуникации: «Динамический критерий - <...> новая, незнакомая лексическая единица, создает напряжение»¹³ при общении индивидов. «Стилистический критерий – <...> нейтральная единица в силу своей неоценочности, немаркированности является широкоупотребительной <...>». ¹⁴ Также - деривационный критерий, который отмечает простые языковые формы как нормативные и более сложные как ненормативные. Личностный критерий – креативность индивидуального речевого воспроизводства, авторскость текста, личностная «оценка своих или чужих речевых усилий». ¹⁵ «Любой рефлексив может быть метацензором нескольких напряженных речевых зон»,¹⁶ то есть несколько критериев языкового напряжения могут провоцировать один и тот же рефлексив.

Данная типология рефлексивов дает возможность выявить те участки речемыслительной деятельности человека, которым

¹² Там же. С. 103.

¹³ Там же. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 109.

необходимо активное сознательное участие языковой личности в создании текста, мы можем проследить, как гибко мышление, и как в одном рефлексиве могут сочетаться разные критерии языкового напряжения.

Вышеперечисленные факторы напряжения стимулируют вербализацию, выражение рефлексивов в речи индивида. Нами также были исследованы различные типы рефлексивов и самой рефлексии, разнообразие их разновидностей, что необходимо нам для дальнейшего анализа.

Кроме факторов языкового напряжения существуют различные рефлексивные смыслы: «1) Адекватный смысл. 2) Эмоционально-оценочные смыслы. 3) Формальные (формально выраженные) смыслы. 4) Креативные смыслы».¹⁷

Эмоционально-оценочные смыслы, которые понадобятся нам при подробном анализе книги Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..» «возникают на основе оценочной стратегии сознания, когда на первое место выходит оценка, подразумевающая отношение, выдаваемое за признак оцениваемого субъекта (Н. Д. Арутюнова)».¹⁸

«Креативные смыслы – продукты взаимодействия языковых и неязыковых знаний, возникающие прежде всего на основе стратегии «внутреннего контекста», или ассоциативной, и нередко с участием мотивационной стратегии, словообразовательной стратегии с опорой на морфодеривационные прототипы стратегий транслитерации и буквального перевода и стратегии языковой игры».¹⁹

¹⁷ Сарамотина Л. Х. Обыденная семантизация незнакомых иноязычных композитов носителями русского языка (на материале семасиологического эксперимента). АКД. – Кемерово, 2011. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 8.

Любое слово или словосочетание может стать проявлением языковой рефлексии, будь то эмоциональное высказывание или рациональное, ведь метаязыковая деятельность говорящего индивида движется непрерывно. На сегодняшний день мы можем найти рефлексивы и в обыденной речи, так как процессы, происходящие в современном обществе, обостряют потребность индивида в рефлексии.

Актуальность изучения рефлексивов определяется спецификой объекта изучения современной лингвистики – антропологического начала, маркирующего поворот от изучения речи индивида к изучению его языковой личности. Изучение языкового образа и языковой личности известной писательницы Дины Рубиной является не менее актуальным, здесь мы можем говорить не о поверхностной рефлексии, мотивацией которой служит клишированная бытовая ситуация, а о рефлексии, причиной которой является более важный и глобальный процесс, в частности, такой, как иммиграция. Находящемуся в стрессовой ситуации индивиду свойственна повышенная рефлексия. Подобная экстралингвистическая ситуация заставляет активно реагировать чуткое языковое самосознание писательницы и выплескивать свою рефлексия в творчество.

2. **Билингвизм (двуязычие) как мотивация к рефлексии**

Одной из причин появления рефлексии является ситуация билингвизма, под которой понимается «двуязычие, владение и попеременное пользование одним и тем же лицом или коллективом двумя различными языками или различными диалектами одного и того же языка (например, местным диалектом и литературным языком)»²⁰.

Также стоит обратить внимание на то, что «степень владения каждым языком при билингвизме, распределение между ними сфер общения и отношение к ним говорящих зависят от многочисленных факторов социальной, экономической, политической и культурной жизни говорящего коллектива. При столкновении двух языков в условиях билингвизма один язык может полностью вытеснить другой <...> или на их базе может образоваться новый, смешанный язык <...> или оба языка могут претерпеть определенные изменения на различных уровнях языковой структуры: фонетическом — изменение особенностей произношения <...>; грамматическом — заимствование и калькирование грамматических явлений <...> и калькирование слов <...>»²¹. Примеры подобного изменения языка в условиях билингвизма

²⁰ Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. / В кн.: Избранные работы по языковедению и фонетике, т. 1. - Л., 1958. С.76.

²¹ Там же. С. 76.

присутствуют и в сборнике Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..». Например, автор, описывая ситуацию постепенной утраты русского языка у детей иммигрантов, выросших в среде языка иврит, показывает, что наиболее употребляемый язык вытесняет наименее употребляемый: «В этом перевернутом, вывернутом наизнанку мире наши дети – особая статья. Понятно, что везли их сюда за здоровым национальным самоощущением, чувством собственного достоинства, раскованностью, знанием языка предков, традиций, культуры, религии. Но – Боже мой! – не за тем же, чтоб они потеряли наш болезненно любимый, родной, самый – прекрасный – на – свете русский язык! А они, наши дети, катастрофически его теряют».²²

Также у Рубиной есть примеры изменения обоих языков в сознании билингва («билингв - лицо, свободно владеющее двумя языками»)²³ на основе калькирования: « - Я говорю «менаэлю» (начальнику): «Пока я не подпишу «хозе» (договор) со всеми «тнаим» (условиями) – я работать не стану. Я без «пицуим» (денежной компенсации при увольнении), без «битуах леуми» (национального страхования) и без «купот-гимел» (пенсионных касс) не буду работать!».²⁴

Нами были обнаружены и примеры изменения языка на уровне грамматики: « - «Со мной только по-русски!» - кричу я в ответ на ту или иную, обращенную ко мне фразу на иврите. И они пытаются, бедные. «Хочешь макарон?» - спрашиваю я

²² Рубина Д. «... Их бин нервосо!..»: повести; рассказы. – М., 2011. С. 37.

²³ Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. – М., 2003. С. 100.

²⁴ Рубина Д. «... Их бин нервосо!..» С. 56.

дочь, и она отвечает смиренно: «Нет, спасибо. Я – не любовник макарон». Или когда мне звонят и, попадая на дочь (голоса похожи), спрашивают: «Это Дина?», она отвечает терпеливо:

- «Нет, это ребенок от Дины. Она не находится».²⁵

Весь сборник в целом изобилует различными примерами того, какие метаморфозы происходят в сознании билингва и к каким рефлексивным процессам они приводят: будь то размышления над структурными изменениями в языке или над утратой знания языка.

Такой интерес Дины Рубиной к рефлексии объясняется прежде всего ее биографией или, как она сама ее называет, «жизненным бараклом»²⁶, которое от начала творческого пути до настоящего времени пронизано билингвизмом.

Ее родители, жившие сначала на Украине, в итоге эмигрировали в Ташкент. Родственники Рубиной, по ее словам, «занимались ровно тем, чем занимались сотни тысяч украинских евреев: немножко торговали, немножко учились, немножко учили других».²⁷

Сама писательница родилась 19 сентября 1953 года в Ташкенте. Детские годы и юность прошли довольно типично, в маленькой квартире, где была мастерская отца-художника.

В воспоминаниях писательницы о детстве остались учеба в школе при консерватории, постоянные занятия музыкой, мучительная сдача экзаменов, приливы вдохновения, причуды воображения, накатывающего волнами, запечатленные в памяти картины, когда-то доводившие до медитативного

²⁵ Там же. С. 57-58.

²⁶ Рубина Д. Биография. <http://www.dinarubina.com/biography.html>

²⁷ Биография. Там же.

транса. Как пишет сама Рубина: «в то время я жила глубоко и опасно. На грани умопомешательства, как многие подростки».²⁸

Писательница закончила консерваторию в 1977 году, преподавала в институте культуры в Ташкенте (1977-78 годы). Замужество, второе замужество, двое детей – сын и дочь. Публикации в «Юности» (где был опубликован первый рассказ писательницы – «Беспокойная натура»), в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов», постановки пьес, таких как «Чудесная дойра», пьеса по повести «Когда же пойдет снег?», телеспектакли, экранизации, такие как фильм «Наш внук работает в милиции» по повести «Завтра, как обычно».

Переезд в Москву, жизнь «свободным художником»²⁹ и репатриация в Израиль в конце 1990 года, где писательница живет и сегодня в городе Ма`але-Адуммим, что на границе Иудейских гор и Иудейской пустыни.

«Произведения Рубиной многократно публиковались в израильской и зарубежной печати, в том числе в «Иерусалимском журнале», в журнале «Континент», «Знамя», «Новый мир», а также во многих литературных альманахах и сборниках. С 1990 г. до 2002 г. в Израиле и России опубликовано более 30 книг прозы Рубиной, сборники ее произведений в переводах вышли в Израиле, Франции, Болгарии, Эстонии, Чехии».³⁰

О своем переезде в Израиль Рубина пишет: «Это — рубеж биографический, творческий, личностный. И что бы я ни

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Рубина Д. Биография. <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/ros/40806/bio/>

делала в Израиле — немножко служила, много писала, выступала, жила на «оккупированных территориях», ездила под пулями, получала литературные премии, издавала книгу за книгой и в Иерусалиме, и в Москве... <...>. После переезда в Израиль действительно, молчала полгода. Но это был не узко-творческий, а тотально-личностный кризис <...>». ³¹ Эти слова повествуют о сложности процесса ассимиляции, о той стрессовой ситуации, происходящей с человеком, сменившим окружение, привычный язык, о том, как сложно адаптироваться к совершенно новой реальности.

«Израиль – забавная страна. Она увлекает, завлекает, ужасает. Очень отчаянная, очень острая страна. И домашняя в чем-то». ³² Рубина пишет о том, как Израиль изменил ее писательскую деятельность, как повлиял на нее: «Я уехала автором четырех книг, довольно известным писателем. Но, конечно же, эта совершенно новая грань бытия, видения жизни, судьбы, осознание своего существования – это было мне послано с неба. Понимаете, с писателем по жизни могут произойти самые разные вещи. Он может уехать куда-то, приехать куда-то. Он может оказаться совершенно чужим в какой-то стране. Вот, например, у Бунина нет эмигрантских вещей. Ну, разве что «Господин из Сан-Франциско». И все-таки, герой – русский господин. И собственно эмигрантских вещей, чтобы можно было почувствовать влияние французской жизни на бунинскую прозу, – этого нет. У меня же переезд

³¹ Рубина Д. Биография. <http://www.dinarubina.com/biography.html>

³² Кваша А. Дина Рубина: «Израиль – это миф». <http://booknik.ru/context/all/dina-rubina-izrail-yeto-mif/>

стал совершенно новой главой творчества, жизни. Конечно, без этого я была бы другим писателем».³³

Несмотря на все трудности ассимиляции, Д. Рубина отмечает: «По своей природной гибкости и по своей природной жизненности характера я смогла бы жить, где угодно. Другое дело, как бы мне работалось. А в Израиле, в Иерусалиме, так хорошо работается, там интересно, тревожно, трагично, смешно».³⁴

Что касается языка, Рубина часто подчеркивает в своих произведениях важность русского языка, родного и привычного для нее. Она говорит: «Я читаю, конечно же, по-русски. Но как опытный литератор могу – по пластике фразы, по тому, как перемежаются один за другим абзацы, и в то же время, держа в памяти звучание иврита, – могу оценить, как это переведено. Просто понимаю это литературным чутьем».³⁵

В сборнике рассказов «...Их бин нервосо!..» писательница также подчеркивает значимость для нее родного языка в свойственной ей ироничной манере: «А когда на спинке израильского автобуса написано фломастером по-русски: «Ася – сука», как-то уютнее чувствуешь себя на этой земле...»,³⁶

Писательница показывает тяжелый процесс привыкания, вживания в чужой язык: «Мучительное надевание чужого языка, постепенное переодевание сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит

³³ Кваша А. Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ «...Их бин нервосо!..». С. 30.

еще и обветшание родного языка, частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках».³⁷

Сложный процесс языковой реабилитации, конечно, вызывает ситуацию, провоцирующую рефлексию. Это связано прежде всего с изучением чужого языка в короткие сроки, ведь когда живешь в другой стране, нет достаточного количества времени, чтобы привыкнуть ко всем новшествам и особенностям языка, и лишь со временем можешь их понять: «<...>приезд в Иерусалим, обязательный «ульпан» - курсы иврита <...>».³⁸

Но проходит время, и процесс привыкания завершается, но бесследно ничто не проходит: «Казалось – проведу рукой по грудной клетке, и нащупаю шов, грубый, не зарубцевавшийся, коллоидный безобразный шов на моем, рассеченном надвое, естестве...»³⁹

Возвращаясь к теме творчества писательницы, «Дина Рубина, поменяв в начале 1990-х гг. страну проживания, став израильтянкой, продолжает писать, как и прежде, о чувствах, о взаимоотношениях между людьми, как и прежде, создает яркие портреты, находит сочные типажи, по-прежнему ее проза не оставляет читателя равнодушным (здесь многообразная гамма впечатлений-реакций: от смеха до слез) – но теперь это другая проза. Обыденность, повседневность современника помещена в иной, чем прежде, метатекст: древняя культура иудеев, кровавая история XX в., сопряжение в сознании повествователя совершенно разных ментальностей (русской, советской, еврейской). Соответственно меняется и

³⁷ Там же. С. 35.

³⁸ Там же. С. 48.

³⁹ Там же. С. 107.

аксиологический фон, «диктуемый» древней этикой Мудрецов – Учителей еврейского народа, слиянность с судьбой которого ощутила Дина Рубина».⁴⁰

Alter ego автора – ее героиня-рассказчик, чье «трепетное, любовное отношение к своему народу и к самому феномену еврейства, любовь к которому усилилась близостью Иерусалима»⁴¹, – очевидно.

Таким образом, мы видим, что Дина Рубина, живя в условиях другого языка, остается верна и своему родному русскому языку, то есть ситуация билингвизма поддерживается самой писательницей.

Эту ситуацию можно охарактеризовать понятием индивидуального билингвизма, которое «применяют по отношению к индивиду, владеющему одним, двумя или несколькими языками».⁴² Еще немецкий ученый К. Глосс «предложил различать «национальное одноязычие, двуязычие (билингвизм) и многоязычие», с одной стороны, и «индивидуальное одноязычие, двуязычие и многоязычие», с другой. Национальное одноязычие может вполне сочетаться с индивидуальным двуязычием и даже многоязычием»⁴³.

В книге А. Д. Швейцера «Современная социалингвистика» дается следующее определение билингвизма: «... в социалингвистическом понимании билингвизм – это сосуществование двух языков в рамках

⁴⁰ Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика «иноэтнокультурного текста» в русской прозе Дины Рубиной. - М., 2007. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 118.

⁴² Швейцер А. Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 3-е. – М., 2011. С. 114.

⁴³ Там же. С. 114-115.

одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. <...> ... билингвизм – индивидуально-психологический феномен. <...> ... билингвизм – это взаимодействие двух сосуществующих языков <...>»⁴⁴.

Соотношение между двумя языками в сознании билингва определяется «социальным престижем» того или иного языка, модой на язык. Доминирует, соответственно, тот, что более престижен. Или, как в случае, описанном Диной Рубиной в сборнике «... Их бин нервосо!..», доминирует язык, более частотно используемый, более необходимый в данной жизненной ситуации. Другой же язык, используемый лишь в узком кругу знакомых, родственников, увядает, забывается, отходит на второй план: «...ведь как ни крути, а жизнь вокруг тебя проходит совсем на другом языке. Ты, конечно, можешь позвонить приятелю, или даже собрать у себя компанию друзей, и весь вечер с наслаждением вслушиваться в свободно льющуюся русскую речь... Но, все-таки, это будет язык людей одного, довольно узкого круга».⁴⁵

Доминантный язык, наоборот, в связи с постоянной потребностью его использовать, развивается и увеличивается по объёму, то есть активный словарный запас у человека становится больше. Потеря второго языка часто служит причиной для рефлексии, так как людям свойственно размышлять об утраченном, некогда ценном: «И с бессильной горечью наблюдаешь, как медленно и неотвратимо уплывает

⁴⁴ Там же. С. 115.

⁴⁵ «...Их бин нервосо!..». С. 85.

твое дитя к берегам другого языка, и с ужасом понимаешь, что ему не интересны книги твоего любимого Юры Ковалея, что про Мэри Поппинс и про Винни Пуха твой ребенок прочел уже на иврите, а по-русски не прочтет никогда».⁴⁶

Не последнюю роль в ситуации билингвизма в современном обществе играет мода, которая определяет стремление человека к обладанию актуальными и популярными новинками, будь то язык, который считается модным, или красивые слова. Модными чаще всего оказываются универсально употребляемые слова и заимствования.

В рассмотрении речевого поведения билингва большое значение придается непосредственно коммуникативному акту и той роли, которую в этом акте играет билингв, что может объяснить смену языка в одном и том же коммуникативном акте.

А. Д. Швейцер пишет, что «ориентация социолингвистической модели речевого поведения билингвов исключительно на теорию ролей была бы явно односторонней. <...> ... среди социальных детерминантов речевого поведения билингвов большое значение, помимо речевых отношений, имеют такие социальные факторы, как социальный статус коммуникантов, их социальные установки, ориентация на определенные социальные ценности. Обязательному учету при интерпретации речевой деятельности в условиях билингвизма <...> подлежат и такие компоненты коммуникативного акта, как тема, обстановка, канал коммуникации (устная или письменная речь, средства массовой коммуникации и др.).

⁴⁶ Там же. С. 38.

Лишь с учетом сочетания этих детерминантов речевого поведения в их взаимодействии можно объяснить те или иные аспекты речевой деятельности билингвов, в том числе и выбор кода в процессе коммуникации»⁴⁷.

В современном мире все больше людей знают два языка, а многие являются и вовсе мультилингвами, то есть людьми, владеющими тремя и более языками. Большинству людей подобное знание необходимо для работы, продвижения по карьерной лестнице, некоторым это знание передается от родителей, некоторые приобретают эти знания в языковых школах, но существует пласт общества, состоящий из людей, которым пришлось стать билингвами в связи с переездом по тем или иным жизненным обстоятельствам в другие страны. Они вынуждены учить чужой язык, чтобы ассимилироваться в новом обществе, как в случае с Диной Рубиной.

При изучении нового языка возникают различные трудности понимания, невольные ассоциации с привычным, родным языком: «... как услышу незнакомое словосочетание на иврите, в котором явственно слышны знакомые русские слоги или даже слова, стараюсь помалкивать или, по крайней мере, реагировать осторожно».⁴⁸

Зачастую у иммигрантов нет времени для постепенного, плавного интегрирования в новый язык, поэтому им приходится привыкать ко многим особенностям новой речи в процессе непосредственного общения. Звуковые аллюзии мысленно проводятся от родного языка к новоприобретенному,

⁴⁷ Швейцер А. Д. С. 122-123.

⁴⁸ «...Их бин нервосо!...». С. 52.

подсознание проводит невольные аналогии уже известного с еще непознанным, что не всегда является адекватным:

«- А, - говорит, - да. *Тамхуй*.

Черт меня потянул за язык.

- Что, - спрашиваю *сочувственно*, - *плохо кормят?*

- Да нет, почему – плохо? Кормят хорошо. Только это не выход из положения.

Тогда я и *сообразила*, что слово «*тамхуй*», собственно, и означает – «*благотворительная столовая*» <...>». ⁴⁹

Следствием подобного столкновения двух языков становятся коммуникативные неудачи, порождающие порой комичные, а порой неуместные, неловкие ситуации:

«- Сколько я должна вам выписать, Фирочка?

<... >

- Можете выписать *дохуя*...

<...>

- Ну... *столько у меня нет*. Но если вы назовете определенную сумму, то я выпишу чек.

<...>

- Боже мой! Боже мой! – воскликнула она, всплеснув руками, - *что вы подумали?! Чек «дахуй», это значит, «отсроченный чек», а вы подумали... в моем доме!!*». ⁵⁰

Привыкание к новому, будь то язык, обстановка, место расположения или даже пища, соответственно порождают рефлексию, так как индивиду необходимо осмыслить, оценить новые атрибуты своей жизни, проанализировать то положение, которое он занимает в этом «новом».

⁴⁹ Там же. С. 53.

⁵⁰ Там же. С. 51

Безусловно, роль рефлексии в формировании осмысленности сознания очень важна. Рефлексия неотделима от «Я» человека, соответственно от его «Я» неотделимы и новоприобретенные знания, включающие и навык владения языками. Одно порождает другое, познание нового, изучение иностранных языков порождает рефлексия.

О рефлексии «вынужденного» билингва над его языковой средой и всевозможных метаморфозах сознания, о расставлении акцентов между родным языком и языком новой среды существования, коммуникативных трудностях и тяжелом процессе адаптации и повествует Дина Рубина в своем сборнике рассказов «...Их бин нервосо!..».

3. Языковые средства выражения рефлексии в тексте

3.1 Коммуникативные рефлексивы

«Коммуникативные рефлексивы представляют собой метаязыковое дискурсивное пространство сознательных поисков путей самовыражения, что позволяет говорить о творческом характере данных вербализированных актов мыслительной деятельности, о креативном характере языковой способности говорящего, о возможной трактовке этого типа рефлексивов как проявлений языковой игры в широком понимании этого термина <...>»⁵¹.

Также «коммуникативные рефлексивы раскрывают движение мысли человека в коммуникации, вербализируют усилия для нахождения нужной лексической единицы, адекватной коммуникативному замыслу говорящего, эксплицируют автокоррекцию, если стихийный процесс не обеспечил этой точности»⁵².

Поскольку рефлексивы комментируют коммуникативный процесс говорящего и пишущего, а также слушающего и читающего, мы можем составить типологию коммуникативных рефлексивов, которая зависит от критериев коммуникативного напряжения, таких как: динамический критерий,

⁵¹ Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. С. 118.

⁵² Там же. С. 118.

стилистический критерий, деривационный критерий, личностный критерий.

Разбор зон коммуникативного напряжения позволяет нам выявить субъективность мыследействия индивида в процессе коммуникации.

1. Динамический критерий – «данная разновидность коммуникативных рефлексивов ориентирована на выяснение временных параметров лексической единицы. Группа рефлексивных высказываний, обусловленная динамическим критерием коммуникативного напряжения чрезвычайно продуктивна <...>»⁵³.

Метаязыковая функция языка зачастую проявляется в динамических процессах в области лексики. Одним из таких процессов является появление нового слова, что способствует развитию языка, сохранению его в активном состоянии. Появление нового слова в языке, с одной стороны, создает ощущение языкового новшества, с другой стороны, создает и напряжение. «В лингвистике давно осознана мысль о важном месте лексических новых образований в системе языка, которые перестраивают сложившуюся языковую картину мира человека и закрепляют новые идеи и понятия, занимая белые пятна языковой картины мира»⁵⁴.

В свою очередь, «рефлексивы фиксируют, прежде всего, появление нового слова как событие, которое, <...> не может быть не замечено в силу его накопившейся частоты»⁵⁵. Экспрессивность новизны порождает языковую рефлексивность.

⁵³ Там же. С. 126.

⁵⁴ Там же. С. 127.

⁵⁵ Там же. С. 130.

Рефлексивы не только маркируют новые слова в языке, но и дают толчок для дальнейшего появления неологизмов. Безусловно, важна актуальность произносимого индивидом слова, актуальность определяется не только злободневностью, но и феноменом моды в языке.

2. Стилистический критерий, связанный с метаязыковой способностью языковой личности «вербально реагировать на стилистически маркированную единицу, включаемую в текст, интенсивно проявляет себя в современной публицистике. Коммуникативные рефлексивы в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий формирование стилистических норм нового времени»⁵⁶.

В языковой стилистике замечена тенденция частотности употребления сниженной лексики, что обуславливается либерализацией норм литературного языка.

«<...> коммуникативные рефлексивы, которые относятся к стилистической критике уместности/неуместности употребления слова, свидетельствуют о размывании границ функциональных стилей и расшатывании литературной нормы»⁵⁷.

Снижение стилистической нормы языка зачастую сопровождается процессом культурно-речевого дискомфорта, индивид испытывает потребность извиниться перед своим собеседником за употребление грубого или вульгарного слова. То же самое происходит и с лексикой высокого стиля, автор речи ощущает необходимость осторожного употребления слов,

⁵⁶ Там же. С. 151.

⁵⁷ Там же. С. 153.

как сниженного стиля, так и высокого стиля. Использование сниженного слова обозначает процесс детабуизации оного. Рефлексив в данной коммуникативной ситуации может отображать отрицательную оценку, если индивид ощущает неуместность употребления данного слова, Также рефлексивы могут выражать иронию или сарказм по отношению к пафосным и вульгарным словам.

3. Деривационный критерий отражает деривационные процессы в системе языка, которые «сводятся к двум разновидностям: 1) формально-семантической деривации; 2) семантической деривации».⁵⁸

Под деривацией мы понимаем «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные <...>».⁵⁹

Нам известно, что «рефлексивные высказывания зачастую интерпретируют слово с точки зрения мотивировочного признака, лежащего в основе слова, причем данная интерпретация представляет собой обычно образцы так называемой ложной, наивной, народной этимологии»⁶⁰.

«Наиболее частотны рефлексивы, разграничивающие два близко связанных значения многозначного слова – прямое и переносное»⁶¹. Рефлексивы могут быть спровоцированы двойственностью восприятия значения слова, что заставляет индивида переосмыслить и комментировать его. Лексическая единица сложна и неоднозначна, может содержать в себе

⁵⁸ Там же. С. 172.

⁵⁹ Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Деривация. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С.129.

⁶⁰ Вепрева И. Т. С. 172.

⁶¹ Там же. С. 177.

несколько значений, что создает очаги напряжения при процессе коммуникации.

4. Личностный критерий. «В коммуникативных рефлексивах данной разновидности вербализуются механизмы саморегуляции и самоорганизации речевой деятельности, результаты действия которых воспринимаются как естественный эксперимент <...> с контекстами употребления, либо комментируется собственный отрицательный материал. Говорящий своим рефлексивом либо пытается объяснить аномальность употребления слова в заданном контексте, либо мотивирует свой выбор лексической единицы». ⁶²

В данном критерии важную роль играет выбор слова: индивид может последовательно, начиная с замысла, искать необходимое ему слово, активизируя свой словарный запас, или он может одновременно просматривать несколько вариантов слов и выбрать в итоге подходящее.

«В коммуникативных рефлексивах мы сталкиваемся с фактами либо разграничения разнозначных в языковой системе лексических единиц, либо отождествления в рамках одного контекста близких, но не тождественных слов» ⁶³.

Таким образом, «иногда в рефлексивах эксплицируется только конечный этап поисков слова, вся остальная поисковая часть остается неосознанной. Имплицитную часть поисков обычно занимает пауза». ⁶⁴ При этом говорящий делает акцент на верном выборе слова или выражает свое сожаление за неточные высказывания.

⁶² Там же. С. 187.

⁶³ Там же. С. 191.

⁶⁴ Там же. С. 195.

Следовательно, «<...> для носителя языка при поиске точного слова, при определении близости лексических единиц недостаточно только совпадения семной структуры слов. Среди параметров, различающих и отождествляющих значения слов, важную роль выполняют признаки, с точки зрения говорящего, коммуникативно актуальные для текущей ситуации. Кроме того, психологическая структура значения слова основана на эмоциональных переживаниях и субъективном опыте носителя языка <...>». ⁶⁵

Многие «рефлективы позволяют отразить диапазоны значений слова при его использовании, которые представляют собой диалектическое единство общесистемного значения, приобретающего свою системную силу при многократно повторяющемся контексте в коммуникативной сфере, и индивидуального, личностного смысла, в виде которого оно хранится в сознании говорящего. Вербализация в рефлексиве поиска и обсуждения точного слова позволяет говорить о речевом напряжении, возникающем при корреляции структурно-системной организации лексики и многомерного устройства внутреннего лексикона говорящего». ⁶⁶

Рефлективы в зависимости от того, кем они выражены, бывают авторскими или рефлективами персонажей, а в зависимости от того, как они выражены, бывают эмоциональными и неэмоциональными. Также бывают рефлективы, выраженные эксплицитно, то есть открыто, и имплицитно, то есть подразумеваемые, невыраженные словом.

Таким образом, рассмотренные критерии позволяют представить содержательную типологию рефлективов, то есть

⁶⁵ Там же. С. 199.

⁶⁶ Там же. С. 199.

типологию на основе того, что подвергается анализу, рефлексии. Соответственно можно выделить:

1. Динамические рефлексивы
2. Стилистические рефлексивы
3. Деривационные рефлексивы
4. Личностные рефлексивы.

А также:

1. Эмоционально-оценочный смысл рефлексива
2. Креативный смысл рефлексива.

Из представленных типов в книге Дины Рубиной чаще всего встречаются деривационные рефлексивы и эмоционально-оценочные смыслы.

Рассмотрим пример эмоционально-оценочного рефлексива:

«Заставить мою двенадцатилетнюю дочь прочесть несколько страниц по-русски – забойный труд шахтера, вгрызающегося в скальные породы.

- Ну, почитай «Трех мушкетеров»!

- *Я уже читала на иврите.*

- Вот видишь, а роман «Двадцать лет спустя» на иврит еще не переведен. Французского ты не знаешь, выходит, вообще эту книгу не прочтешь? А, знаешь, сколько прекрасных книг на иврит еще не переведены, а на русский уже переведены? Ты согласна их не узнать никогда? А книги своей матери ты тоже будешь на иврите читать?»⁶⁷

В данном примере автор, анализируя языковое поведение своего ребенка, говорит о связи языка с культурой родины и семьи. Как видно в данном примере, авторские рефлексивы,

⁶⁷ «... Их бин нервосо!...». С. 37-38.

содержащие негативный эмоционально-оценочный смысл, выражены эксплицитно и имеют форму завершеного высказывания, в котором звучит и тревога за потерю языка: *«Но – Боже мой! – не за тем же, чтоб они потеряли наш болезненно любимый, родной, самый – прекрасный – на – свете русский язык! А они, наши дети, катастрофически его теряют».*

Для подчеркивания отрицательной оценки, автор использует гиперболу: *«Заставить мою двенадцатилетнюю дочь прочесть несколько страниц по-русски – **забойный труд шахтера**, вгрызающегося в скальные породы».* Такое нарочито преувеличенное сравнение подчеркивает важность родного языка и заставляет читателя переживать вместе с автором.

Ситуация билингвизма в данном случае является причиной внутреннего противоречия, когда в одном человеке два языка «борются» за первое место, но в итоге, безусловно, «побеждает» тот язык, на котором он общается повседневно, ведь именно этот язык принято считать родным. Один из языков, которым владеет билингв, является для него родным, а другой – приобретенным, в данном случае в результате иммиграции. Для матери родным, и поэтому наиболее важным, является русский язык, и, естественно, она хочет, чтобы ее дочь свободно им владела и говорила с ней только на нем, в то время как для дочери языком, на котором она говорила с детства, является иврит, так как она выросла в иммиграции, в Израиле, и именно этот язык привычен для нее. Здесь показана не только проблема взаимопонимания между поколениями, но и проблема расстановки приоритетов в сознании билингва, наибольшей частотности употребления того языка, в среде

которого живет индивид и потери знания второго языка, менее используемого.

И когда дочь приводит довод отрицательного отношения к чтению на русском: «*Я уже читала на иврите*», ее приоритеты в области языка очевидны.

Далее мать приводит рациональный довод в пользу необходимости знания двух языков: такие знания несут определенную выгоду для их носителя: «А, знаешь, сколько прекрасных книг *на иврит еще не переведены, а на русский уже переведены?* Ты согласна их *не узнать никогда?*» - это вопрос того, насколько часто билингвом используется язык, на котором он не общается ежедневно. В данном случае для дочери-билингва русский язык является языком, используемым лишь в узком кругу семьи, и, соответственно, частотность его использования постепенно уменьшается. В результате билингв теряет свои навыки владения вторым языком, его вытесняет наиболее часто используемый язык, язык места проживания индивида.

Рассмотрим пример использования деривационного рефлексива:

«... отправила свою дочь на *уроки русского языка и литературы* в вечернюю русскую школу. После занятий *пробовала обсуждать* пройденное на уроках *заискивающим тоном*.

- Ну... что вы сегодня учили?

- Этого... ну... *Толстов*.

- Льва Николаевича Толстого! – *преувеличенно артикулируя*, говорю я. – Великого русского писателя. Что именно вы читали?

- Это... «*Сливная костячка*»...

- «Косточка»! – подхватываю я с преувеличенным вдохновением. - <...> А ты можешь пересказать мне содержание?»

<...>

- В общем, там подняли хай из-за фруктов... Представляешь, считали, кто сколько съел! И папа сказал детям: «Дети мои! Или вы съели эту сливу? Или вы *хотите через это хорошо получить?* Не говоря уже об совсем умереть?..»⁶⁸

С помощью деривационных рефлексивов (они выделены в примере курсивом) рассказчик, обращая внимание на искажение русских слов и их неправильное образование (Толстов, «Сливная костячка»), рядом дает правильные формы слов. Затем можно отметить иронию и нарочито гиперболизированное поощрение, используемое автором для показа важности языка предков для детей, выросших в другой, нежели их родители, стране: «пробовала обсуждать пройденное на уроках заискивающим тоном», «преувеличенно артикулируя», «с преувеличенным вдохновением». Нежелание ребенка употреблять и совершенствовать второстепенный для него язык подчеркивается грубыми ошибками, как в образовании слова, так и в образовании предложения: «Толстов», «Сливная костячка», «Дети мои! Или вы съели эту сливу? Или вы *хотите через это хорошо получить?* Не говоря уже об совсем умереть?..», и просторечными выражениями: «там подняли хай из-за фруктов», «Этого... ну...».

Также в отрывке можно отметить наличие эмоционально окрашенных рефлексивов, выраженных эксплицитно. Автор выражает преувеличенное поощрение к персонажу-дочери, которая пытается выучить дорогой сердцу персонажа-матери русский язык.

⁶⁸ Там же. С. 38-39.

Следующий отрывок представляет собой пример совмещенного использования деривационного рефлексива с личностным:

« - *Опечатка!* – кричит он мне. – Ну и *опечаточка!*

И показывает в разделе «Объявления»: *«Каин с большим опытом предлагает услуги по части обрезания».*

Ну, конечно. Наборщица, наверняка новая репатриантка, вместо «*коэн*» набрала более *понятное* ей – «*Каин*», мгновенно вписавшись в стихию этого вечного, невозможного, неостановимого ни на минуту, трагически прекрасного карнавала». ⁶⁹

Использование слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом («*опечаточка!*») выполняет здесь роль эмоционального рефлексива и в то же время выражает деривационный критерий языкового напряжения: *«Каин с большим опытом предлагает услуги по части обрезания»*, «вместо «*коэн*» набрала более *понятное* ей – «*Каин*». Эти высказывания могут быть оценены и как личностный рефлексив, выражающий иронию над разностью менталитетов, и как отсутствие понимания новыми репатриантами свежеприобретенной культуры, в результате чего возникают комические ситуации и коммуникативные неудачи.

Слияние деривационного и личностного рефлексивов часто используется автором:

«...ведь как ни крути, а жизнь вокруг тебя проходит совсем на другом языке. Ты, конечно, можешь позвонить приятелю, или даже собрать у себя компанию друзей, и весь вечер с наслаждением вслушиваться в свободно льющуюся

⁶⁹ Там же. С. 47.

русскую речь... Но, все-таки, это будет язык людей одного, довольно узкого круга. А где уличная толпа, ее водоворот случайно выхваченных словечек, фраз, матерка, перепалки продавщицы с покупателем? Где, в конце концов, задушевные беседы с собственными детьми?! Все, тю-тю, нет их, этих задушевных бесед, и теперь уже не будет никогда!

А собственная дочь приходит из школы и, захлебываясь от возмущения, *торопится рассказать:*

- ...И тогда у *мевия шней придурки*, и те *леагид* какие-то *штуйот!* («и тогда он привел двух придурков, и те стали говорить какие-то глупости»)»⁷⁰

Авторский эмоциональный рефлексив передает размышление автора о непривычности другой языковой среды и инстинктивном стремлении человека вновь оказаться в прежней языковой среде. Сложившуюся ситуацию адаптации в другой языковой среде автор выражает в следующих рефлексивах: «*как ни крути, а жизнь вокруг тебя проходит совсем на другом языке*», «*с наслаждением вслушиваться в свободно льющуюся русскую речь*», «*язык людей одного, довольно узкого круга*», «*водоворот случайно выхваченных словечек, фраз, матерка, перепалки продавщицы с покупателем*», «*задушевные беседы с собственными детьми*», «*тю-тю, нет их*», «*уже не будет никогда*». Перечисленные выше рефлексивы носят негативный оттенок, оттенок сожаления автора о нахождении в чужой языковой среде и потере родной.

Следующий пример относится к более редкому, можно сказать, единичному случаю использования автором

⁷⁰ Там же. С. 85-86.

деривационного рефлексива с дополнительным креативным смыслом:

« И тогда тетка грозно покрикивает: «Рэга!!» - (слово, означающее, вообще-то «мгновение», но имеющее, по крайней мере, еще *десяток смыслов, в зависимости от ситуации*, например: «погоди», «дай сказать!», «дай сделать!», «не перебивай», «минуточку!»). Существует израильский анекдот, один из многочисленных – об израильской армии: евреи запускают ракету: «пять... четыре... три... два... один... рэга... рэга... рэга... старт!!!»⁷¹

Эмоциональный рефлексив персонажа, выраженный эксплицитно, передает иронию над менталитетом израильтян и многозначностью таких слов, как «Рэга!!», «*десяток смыслов, в зависимости от ситуации*».

Также можно привести многочисленные примеры использования деривационного рефлексива с дополнительным эмоционально-оценочным смыслом:

1. «Все, *геврет*, закрыли заседание *Кнессета*». ⁷²
2. «После «*Великой алии*» девяностых среди водителей «*Эгеда*» стали попадаться бывшие советские граждане». ⁷³
3. «- Спроси у водителя, *бэсэдэр?*»⁷⁴
4. « - Мой отец звал моего деда «*Аба-мори*» (Отец, учитель мой)... Я звал своего отца просто «*аба*»... Мой сын зовет меня – *Габриэль*... А его сын, вероятно, будет подзывать

⁷¹ Там же. С. 65.

⁷² Там же. С. 68.

⁷³ Там же. С. 69.

⁷⁴ Там же. С. 75.

его вот так: - и писатель прищелкнул пальцами – жест, каким подзывают на Востоке слугу». ⁷⁵

5. «И вот этот облизанный заласканный *«мами»*, едва вынув соску изо рта, идет в школу, где его не слишком нагружают уроками, развлекают и оберегают». ⁷⁶

6. «До армии ругалась с этим *«мотэком»* по поводу полуночных песен под моим окном» ⁷⁷.

7. «... *«Джина из Матнаса»*. *Матнас – на иврите – Дом культуры...*» ⁷⁸

8. «... где в *Матнас на Пурим* приезжает группа художественной самодеятельности города *Ехуд...*» ⁷⁹

9. «У кого сегодня в Израиле нет *«пелефона»*?» ⁸⁰

10. «Только то, что живу я на улице *«Цильцаль»*, что означает – вот именно! – *«звонок»*» ⁸¹

11. «Договорились, что встретят меня на *«тахане мерказит»* - центральной автобусной станции». ⁸²

Среди выше приведенных примеров деривационных рефлексивов преобладают эмоциональные рефлексивы персонажей, выраженные эксплицитно. Также часто употребляются слова на иврите в русской речи: *«геверет»*, *«Кнессета»*, *«Великой алии»*, *«Эгеда»*, *«бэсэдэр»* и т.д.

⁷⁵ Там же. С. 77.

⁷⁶ Там же. С. 79.

⁷⁷ Там же. С. 83.

⁷⁸ Там же. С. 179.

⁷⁹ Там же. С. 179.

⁸⁰ Там же. С. 200.

⁸¹ Там же. С. 213.

⁸² Там же С. 220.

В ходе исследования рефлексивов в сборнике Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..» нами был выявлен новый рефлексив, не заявленный в вышеприведенной классификации – фонетический рефлексив. Он гармонично сочетает в себе признаки деривационного рефлексива, дополняя их особенностью, характерной для данного сборника рассказов Дины Рубиной - использованием слов на иврите, звучащих нецензурно на русском, проведением аналогий между ними.

В следующем примере можно увидеть сочетание фонетического и эмоционально-оценочного рефлексива:

«Как вообще *сознание русскоязычного человека* может воспринять язык, на котором *неприлично звучащее* слово «ялда» означает «девочка»?

<...> Что там «ялда», доложу я вам (которая, кстати, через каких-нибудь два-три урока *бегло и просто* произносится всеми как «елда»)! Что там невинная «ялда», повторяю, если наш преподаватель <...> каждые три минуты бодро повторяет *непристойное слово* «Схуёт», от которого *напрягается и переглядывается* вся группа. <...>

- Как будет *по-русски* «схуёт» - спросила она на иврите, оглядывая класс. Повисло секундное молчание и один из учеников, пожилой доктор исторических наук, сказал в тишине *мрачно*:

- Да так и будет...

И все расхохотались». ⁸³

Авторские эмоциональные рефлексивы, передающие недоумение, удивление, иронию, выражены в тексте эксплицитно: «Как вообще *сознание русскоязычного человека*

⁸³ Там же. С. 48-49.

может воспринять язык, на котором *неприлично звучащее* слово «ялда» означает «девочка?»», «Что там «ялда», доложу я вам (которая, кстати, через каких-нибудь два-три урока *бегло и просто* произносится всеми как «елда»)! Что там невинная «ялда», повторяю». Автор гиперболизированно подчеркивает комичность совпадения слов, столь похожих по звучанию и столь разных по значению: «*неприлично звучащее* слово «ялда» означает «девочка». Таким образом, автор подчеркивает разность менталитетов и непривычность восприятия нового языка, что выражается в невольных ассоциациях, появляющихся при сопоставлении привычного, родного языка с пока еще совсем чужим языком и вызывающих неловкость при коммуникации.

В этом же отрывке, наряду с авторским рефлексивом, встречается эмоциональный рефлексив персонажа: «- Как будет *по-русски* «схуёт» - спросила она на иврите, оглядывая класс. Повисло секундное молчание и один из учеников, пожилой доктор исторических наук, сказал в тишине *мрачно*:

- Да так и будет...

И все расхохотались»

Негативная оценка, содержащаяся в рефлексиве персонажа, совпадает и с оценкой автора: «*неприлично звучащее*», «*бегло и просто*», «*непристойное слово*», «*напрягается и переглядывается вся группа*», «*мрачно*», «*все расхохотались*».

Делая вывод, мы можем сказать, что автор иронизирует над совпадением звучания слов и над неловкостью и комичностью ситуации, в которую попадает из-за этого человек. Ассоциирование с родным языком естественно, так

как человеку свойственно искать уже известное в новом, но в данном случае приведен пример комичной коммуникативной неудачи вследствие такого ассоциирования.

Не менее яркий пример использования фонетического рефлексива можно увидеть в следующем отрывке:

«- Сколько я должна вам выписать, Фирочка?

<... >

- Можете выписать *дохуя*...

<...>

- Ну... *столько у меня нет*. Но если вы назовете определенную сумму, то я выпишу чек.

<...>

- Боже мой! Боже мой! – воскликнула она, всплеснув руками, - *что вы подумали?! Чек «дахуй»*, это значит, *«отсроченный чек»*, а вы подумали... в моем доме!!»⁸⁴

Данный отрывок является ярким примером коммуникативной неудачи. Из-за ассоциирования слов, схожих по звучанию в разных языках, герой попадает в неловкую ситуацию, невольно оскорбляя своего собеседника, вызывая тем самым резко негативную реакцию, что выражается в соответствующем эмоциональном рефлексиве: «Боже мой! Боже мой! – воскликнула она, всплеснув руками, - *что вы подумали?! Чек «дахуй»*, это значит, *«отсроченный чек»*, а вы подумали... в моем доме!!».

Так же пример слияния фонетического критерия с личностным:

«- А, - говорит, - да. *Тамхуй*.

Черт меня потянул за язык.

- Что, - спрашиваю *сочувственно*, - *плохо кормят?*

⁸⁴ Там же. С. 51.

- Да нет, почему – плохо? Кормят хорошо. Только это не выход из положения.

Тогда я и *сообразила*, что слово «тамхуй», собственно, и означает – «*благотворительная столовая*» <...> Что стоит, например, одно только слово «*ибуд*» (*потеря*)? А, производное от него – «*ибадти*» - («*я потерял*»)?

<...> *В любом языке есть слова, воспринимаемые с трудом носителями других языков. Важно то, как влияет на человека чужая языковая группа в совершенно новой реальности)*.⁸⁵

Авторские эмоциональные рефлексивы, представленные в тексте, содержат оценку поведения лирического героя (сочувствие, понимание, раздражение): «*Черт меня потянул за язык*», «*спрашиваю сочувственно*», «*сообразила*», «*В любом языке есть слова, воспринимаемые с трудом носителями других языков. Важно то, как влияет на человека чужая языковая группа в совершенно новой реальности*». В первом высказывании, в котором использовано просторечие, лирический герой корит себя за ассоциирование с родным языком («*Черт меня потянул за язык*»), что является яркой негативной оценкой сложившейся ситуации. Рефлексивы, таким образом, указывают на причину коммуникативной неудачи: «*Важно то, как влияет на человека чужая языковая группа в совершенно новой реальности*».

Слияние фонетического критерия с личностным часто используется Диной Рубиной:

⁸⁵ Там же. С. 53.

«В один из таких его оборотов, когда на нас вновь остановился пристальный изучающий взгляд, Миша улыбнулся и спросил доброжелательно:

- *Ата (ты) мудака?*

Я онемела.

<...>

- *С чего это вдруг я – мудака? Я вовсе не мудака.*

<...>

- ... Миша, за что *ты* обозвал этого человека?

- Кого? - спросил, изменившись в лице, Миша, - *Как обозвал?*

- За что ты обозвал его *мудаком*?

Хейфиц напрягся и... *расхохотался*.

- *«Мудъаг»!* - повторял он, хохоча, - *«Мудъаг» - «обеспокоен»!* Я спросил его – не обеспокоен ли он чем-то. Он ответил: *с чего это вдруг мне беспокоиться?*

Однако живешь-живешь, и *привыкаешь*... Более того – постепенно *теряешь чувствительность «русского уха» к звучанию слова, начинаешь прилагать немыслимые усилия, чтобы не засорять речь привычными названиями на иврите*. И это, поверьте, действительно требует значительных усилий, потому что *иврит – как язык – более «удобен» в употреблении, сжат, краток, ёмок*.

Отрывок из Пятикнижия на иврите занимает на странице, скажем, *три-пять строк*; перевод на русский того же отрывка занимает почти *всю соседнюю страницу*».⁸⁶

Эксплицитно выраженный рефлексив персонажа содержит эмоциональную оценку. Снова сопоставление слова на иврите

⁸⁶ Там же. С. 54-55.

с аналогичным по звучанию словом на русском вызывает непонимание между собеседниками и является причиной коммуникативной неудачи: «... Миша, за что *ты* обозвал этого человека?», «*Как* обозвал?», «За что ты обозвал его *мудаком?*», «*расхохотался*», «*Мудъаг!*» - повторял он, хохоча, - «*Мудъаг*» - «*обеспокоен!*»).

В этом же примере авторский эмоциональный рефлексив, выраженный эксплицитно, характеризует процесс ассимиляции: «*привыкаешь*», «*теряешь чувствительность «русского уха» к звучанию слова*», «*немыслимые усилия, чтобы не засорять речь привычными названиями на иврите, иврит – как язык – более «удобен» в употреблении, сжат, краток, ёмок*». Чужой, а точнее – новоприобретенный, язык уже не описывается как враждебный, непривычный, наоборот, автор выявляет его положительные стороны и преимущества перед родным языком: «Отрывок из Пятикнижия на иврите занимает на странице, скажем, *три-пять строк*; перевод на русский того же отрывка занимает почти *всю соседнюю страницу*».

Проведенный анализ отрывков из сборника Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..» позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Преобладают авторские рефлексивы, а именно: деривационные, лично-деривационные и фонетические, а также преобладают эмоционально-оценочные смыслы;
2. В качестве средств художественной выразительности, с помощью которых переданы рефлексивы, наиболее частотно используются: гиперболы, метафоры, сравнения, ирония.

3. В рассмотренных примерах ярко выражено движение мысли автора в процессе коммуникации, автокоррекция автора и частые комментарии к коммуникации, как анализ автором своих мыслей и идей собеседника.

4. Основными критериями напряжения являются: деривационный критерий и личностный. Деривационные рефлексивы выражены частым употреблением слов на иврите, вводом их в разговор, как естественных компонентов диалога («цильцаль», «мотэк», «геверет», «тнаим» и др.). Личностный критерий выражен личной оценкой автором ситуации, описываемой в тексте, креативностью высказываний.

5. Отсутствуют стилистические рефлексивы, хотя автор часто использует аллюзии слов, звучащих на иврите аналогично непристойным выражениям на русском языке, но тем не менее, автор не испытывает неловкости при использовании подобных ассоциаций, скорее, наоборот, находит их обыденными и комичными.

3.2 Концептуальные рефлексивы

Среди рефлексивов особую группу составляют концептуальные рефлексивы, через которые обыденное метаязыковое сознание становится причастно концептуальному мирозданию средствами языка, отражает концептосферу носителя языка. «Концептуальные рефлексивы реагируют на очаги концептуального напряжения, связанного с когнитивной деятельностью индивида»,⁸⁷ то есть такой деятельностью, которая опирается на познавательные способности индивида, на его логику, способность делать выводы, задавать вопросы и отвечать на них и т.д.

У данного типа рефлексивов также есть критерии напряжения подобные тем, о которых мы говорили в предыдущей главе: динамический – деривационный, ксеноразличительный – личностный.

«Первая пара критериев связана с развитием массового обыденного сознания <...> человека, который реагирует на изменения в общественной жизни».⁸⁸ Такими изменениями могут быть государственные реформы, экономические и социальные преобразования, социальная нестабильность в стране и т.д. Появлению концептуальных рефлексивов способствуют всевозможные инновации в обществе или языке. Нововведения в жизнь индивида заставляют его задуматься о происходящем, заняться самоанализом и анализом реноваций в

⁸⁷ Вепрева И. Т. С. 201.

⁸⁸ Там же. С. 201.

социуме. Преобразования окружающей среды являются мотивацией к рефлексии.

«Необходимо напомнить о многоплановости концептуального рефлексива: коммуникативный рефлексив в одной из своих ипостасей являет собой форму концептуального. Поэтому в каждом классе концептуальных рефлексивов могут встречаться коммуникативные рефлексивы любой разновидности. При характеристике концептуальных рефлексивов главное внимание будет обращать на содержательную сторону метавысказывания, обсуждение плана выражения рефлексива – побочная задача».⁸⁹

В сфере изучения концептуального рефлексива существует несколько основополагающих понятий, в частности: «концепт» и «менталитет».

Слово «концепт» имеет несколько значений – «<...> 1) замысел, проект, изначальная идея; 2) то же, что логическое понятие или лексическое понятие в некоторых научных направлениях».⁹⁰ В современной лингвистике этому понятию уделяется много внимания. Из всего разнообразия существующих определений мы опираемся на то, которое представлено в работе Воркачева: «Концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике».⁹¹

Концепт имеет определенный способ языковой реализации, «через концепт исследователь имеет возможность

⁸⁹ Там же. С. 203.

⁹⁰ Словарь иностранных слов (Около 10 000 слов). / Сост. Уша Т. Ю. – СПб., 2005. С. 328.

⁹¹ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2004. С. 46.

подойти к изучению материальной и духовной самобытности этноса».⁹²

Следовательно, «<...> в концептуальном подходе к языковым фактам лингвистов в первую очередь привлекает возможность максимально охватить этнокультурную специфику языкового знака, всю коммуникативно значимую информацию, что достаточно трудно было описать с помощью системно-структурного анализа лексической семантики».⁹³

Не менее важным понятием является такой разносторонний термин, как «менталитет», под которым подразумевается «<...> склад ума; мироощущение, мировосприятие; психология».⁹⁴

Так как «восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Этим ментальность отличается от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии, которые изменчивы, непостоянны и осознаваемы».⁹⁵

Важным в изучении концептуальных рефлексивов с точки зрения ментальности является национальный язык, язык самовыражения того или иного народа. «Язык воплощает и национальные образы, и национальный характер, и национальные идеалы».⁹⁶ Индивид рефлексивует преимущественно на своем родном языке, к которому с рождения привык.

«Поскольку языковая ментальность определяется во многом социокультурными, а не только языковыми факторами,

⁹² Вепрева И. Т. С. 204.

⁹³ Там же. С. 205.

⁹⁴ Словарь иностранных слов. С. 397.

⁹⁵ Вепрева И. Т. С. 207.

⁹⁶ Там же. С. 208.

то типы ментальностей можно выделять как по языковому, так и по социокультурному признаку».⁹⁷

Исследуемые нами «концептуальные рефлексивы позволяют лишь обозначить очаги когнитивного напряжения, и не дают возможности охарактеризовать концепт полно».⁹⁸

Рассмотрим основные критерии концептуального напряжения:

1) Динамический и деривационный критерии – «данная разновидность концептуальных рефлексивов фиксирует различные этапы формирования и развития концептов, которые могут вызывать концептуальное напряжение. <...> Действительно способствует интенсификации когнитивной деятельности носителя языка, которая, в частности, проявляется в обновлении и усложнении концептуального мира языковой личности».⁹⁹

2) Ксеноразличительный и личностный критерий – последствия разрушения индивидуальности личности, потери ее идентификации.

«Социальная идентификация – сложный комплексный феномен, включающий разные основания для классификации, но в инвариантной основе идентификации человека с определенным социальным объектом лежит базовая дихотомия «свой» – «чужой».¹⁰⁰

Что касается национальной самоидентификации – «национальное разномыслие, вызывающее концептуальное напряжение, может проявляться не только на уровне

⁹⁷ Там же. С. 209.

⁹⁸ Там же. С. 209.

⁹⁹ Там же. С. 210.

¹⁰⁰ Там же. С. 289.

социально-речевой, но и на уровне личностно-речевой ориентации».¹⁰¹ Этническая принадлежность индивида крайне важна в рассмотрении концептуальных рефлексивов, так как по ней мы можем определить, как проходит процесс адаптации индивида к новой реальности, к новоприобретенной культуре, как происходит межнациональная отчужденность, что порождает негативную рефлексию.

«Рефлексивы отражают динамический процесс адаптации индивида к новой действительности в виде неосознанной тенденции и внутренней готовности к новому, частично вербализируемой в метаязыковой деятельности».¹⁰²

Рассмотренные выше критерии позволяют представить содержательную типологию рефлексивов. Можно выделить:

1. Ксеноразличительный и личностный рефлексивы
2. Динамический и деривационный рефлексивы.

При анализе концептуальных рефлексивов из сборника Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..» нами было замечено, что автор использует только ксеноразличительные и личностные рефлексивы. Рассмотрим следующие примеры:

«Обратите внимание: *коверканье языка, комические языковые ситуации* занимают сейчас обширное место на *страницах юмористических изданий* повсюду в эмиграции – Германии, США, Израиле.

Мучительное надевание чужого языка, постепенное переодевание сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит еще и *обветшание родного языка,*

¹⁰¹ Там же. С. 329.

¹⁰² Там же. С.329.

частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках». ¹⁰³

В данном примере видно, что автор направляет свои размышления о языке в область сознания, автор говорит о том, что жизнь в ситуации другого языка предполагает изменение сознания, а это влечет за собой неизбежные потери в использовании родного языка. Это вызывает у автора грусть, так как это отказ от родного. Свои эмоции автор передает с помощью прилагательных: «мучительное», «трагический». И в свете этих размышлений прилагательное «комический» наполняется тоже грустью. Данные рефлексивы направлены на иронию по отношению к неграмотным людям или же иммигрантам, не успевшим достаточно хорошо изучить язык, неумению людей грамотно выражать свои мысли. Несвойственное по отношению к языку применение слов «обветшание», «прорехи» заставляет читателя проникнуться негативностью сложившейся языковой ситуации в иммиграции.

Автор переживает боль, горечь от потери связи с родным языком, который является воплощением единства с родиной и семьей:

«И с бессильной горечью наблюдаешь, как медленно и неотвратимо уплывает твое дитя к берегам другого языка, и с ужасом понимаешь, что ему не интересны книги твоего любимого Юры Ковалея, что про Мэри Поппинс и про Винни Пуха твой ребенок прочел уже на иврите, а по-русски не прочтет никогда.

¹⁰³ «...Их бин нервосо!...». С. 35.

Объявление на дверях книжного магазина: «*Удержите детям язык!!!*»¹⁰⁴

Автор показывает «неотвратимость» утраты языка, на котором происходит наименьший процент коммуникаций. И объявление в книжном магазине «*Удержите детям язык!!!*» звучит как призыв, в котором автор показывает важность сохранения билингвизма. В целом ощущается чувство трагедии, испытываемое автором при потере второго языка, так как он является языком родным для близких.

Для автора потеря родного языка становится разрывом с детьми, которые не окажут помощь родителям, когда это необходимо:

«Тут уж не до бесед типа «поговори со мной, мама!». Хоть бы на старости лет стакан воды нам подала, что ли, говорю я мужу, если к тому времени не забудет, как по-русски будет «вода»...

*Любопытно, что все ино-земное, ино-родное, ино-культурное, попав сюда, в эту стихию кромешного карнавала, немедленно вовлекается в его бешеный водоворот».*¹⁰⁵

Эмоциональные, авторские рефлексивы, выраженные эксплицитно: «*Тут уж не до бесед, «не забудет, как по-русски будет «вода», «Любопытно, что все ино-земное, ино-родное, ино-культурное».* В качестве средств художественной выразительности здесь использована гипербола: «*не забудет, как по-русски будет «вода», словообразование: «ино-земное, ино-родное, ино-культурное»,* которые так же подчеркивают негативный оттенок в отношении лирического героя к тому,

¹⁰⁴ Там же. С. 38.

¹⁰⁵ Там же. С. 40.

как в «бешенном водовороте» чужого, иного языка теряется родной ему язык, как он обесценивается для его близких.

Автор иронизирует над восприятием слов на иврите людьми русскоязычными, своими «московскими друзьями»:

«... я отказалась от прекрасной съемной квартиры - <...> - только по одной причине: дом, в котором маклер предлагал нам снять эту квартиру, стоял на улице *Писга*. Я представила себе, как сообщаю свой адрес *московским друзьям*, и как, посылая письма, они выводят на конверте: *Pisga-strit...*

<...> (Между прочим, «*писга*» означает – «*вершина*». Я потом жила в поселении, которое называлось «*Вершины*» - во множественном числе – «*Псагот*». И ничего. *Очень любила это место.*)»¹⁰⁶

Невольное ассоциирование слов родного языка с аналогично звучащими словами в иностранном языке приводит к подобным ассоциациям: «я отказалась от прекрасной съемной квартиры <...> Я представила себе, как сообщаю свой адрес *московским друзьям*, и как, посылая письма, они выводят на конверте: *Pisga-strit...*». Но сам автор, живущий в условиях двуязычия, уже готов принять такое звучание, он просто ставит себя на место своих бывших соотечественников.

Автор дает положительную эмоциональную оценку: «*Очень любила это место*», что говорит нам о том, как с течением времени человек адаптируется и к новым жизненным условиям, и к новому языку, уходят неприличные ассоциации, и он перестает казаться ему таким остро-чужим, ухо уже не режут языковые ассоциации, внимание не фиксируется на комичных совпадениях в звучании слов, сознание ассимилируется в новой культуре, новом языке.

Автор продолжает тему ассоциирования слов на иврите со словами аналогично звучащими на русском. Эта тема красной

¹⁰⁶ Там же. С. 49-50.

линией проведена сквозь все рассказы сборника, связывая их воедино:

«Жители *мошава* назывались «*мошавники*». Я читала и *содрогалась*. Как же не чувствует переводчик, думала я, что это слов *ассоциируется в русскоязычном сознании сразу с тремя словами: «мошенник», «шавка» и «мошона»!*

Прошло несколько лет, и я совершенно *спокойно слушаю* в последних известиях и про *мошавников*, и про *кибуцников*. <...> Я *даже привыкла*, наконец, к тому, что *имя моей дочери Евы звучит* в настоящем, переводном варианте как «*Хава*» (правда, с ударением на последнем слоге). Мне *уже не слышится* в звучании этого имени словечко провинциальных лабухов – «*хавать*» <...> Больше *не ассоциирую*. *Сознание отсекает*. *Сознание раздваивается и живет отдельной – русской жизнью – дома, в кругу близких друзей*».¹⁰⁷

Авторский рефлексив, эмоциональный, выраженный эксплицитно. Рефлексив содержит оценку прочитанного героем: «*содрогалась*», «*ассоциируется в русскоязычном сознании сразу с тремя словами: «мошенник», «шавка» и «мошона»!*». На контрасте с такой эмоциональной оценкой идет описание процесса привыкания к новому языку: «*совершенно спокойно слушаю* в последних известиях и про *мошавников*, и про *кибуцников*», «*Я даже привыкла*», «*уже не слышится*», «*не ассоциирую*. *Сознание отсекает*. *Сознание раздваивается и живет отдельной – русской жизнью – дома*» - эмоциональные рефлексивы, подчеркивающие процесс ассимиляции сознания билингва.

Автор подчеркивает чуждость новоприобретенного языка:

¹⁰⁷ Там же. С. 56-57.

«Вот и сейчас, сижу за компьютером, а в соседней комнате ссорятся на *древнееврейском* дочь и сын. Они долго и подробно выясняют отношения, прибегая к *сложным словесным выкрутасам* (большинство из них я не понимаю и не вдаюсь); это совершенно не похоже на русскую ругань – *иные принципы словообразования*».¹⁰⁸

Авторский рефлексив, эмоциональный, выраженный эксплицитно. Данный рефлексив выражает пренебрежительное, негативное отношение лирического героя к чужому, непривычному языку: «на *древнееврейском*», «*сложным словесным выкрутасам*», «я не понимаю и не вдаюсь», «не похоже на русскую ругань – *иные принципы словообразования*».

Также автор акцентирует внимание на комических аллюзиях между ивритом и русским:

«Кстати, есть слова на иврите *до смешного похожие и по смыслу и по звучанию* на русские. Например, слово «*нудник*», означающее просто – «*зануда*».¹⁰⁹

Авторский рефлексив, когнитивный, выраженный эксплицитно. Рефлексив выражает иронию над совпадением слов, звучащих одинаково и на русском, и на иврите и обозначающих одно и то же: «*до смешного похожие и по смыслу и по звучанию*», «*нудник*», означающее просто – «*зануда*».

«Что касается *настоящего русского мата* в полнокровной *повседневной жизни израильтян*, то он тоже имеет место.

<...>

¹⁰⁸ Там же. С. 57.

¹⁰⁹ Там же. С. 58.

Правда, с течением времени *смысл* того или иного выражения *сместился, как-то смазался, пожух*.

Например, очень распространенное здесь выражение «*лех кебенимат*» означает всего навсего что-то вроде – «*иди к черту*».

В Тель-Авиве даже есть *ресторанчик* – «*Кебенимат*».¹¹⁰

Авторский рефлексив, когнитивный, выраженный эксплицитно. Автор рефлексивует уже не над комичными совпадениями слов близких по звучанию в русском языке и иврите, а над ругательствами, которые имеют «русские корни»: «*смысл* того или иного выражения *сместился, как-то смазался, пожух*», «*лех кебенимат*» означает всего навсего что-то вроде – «*иди к черту*», «даже есть *ресторанчик* – «*Кебенимат*» - ирония над тем, как слово из одного языка может раствориться, преобразоваться в другом языке.

В процессе анализа мы пришли к следующим выводам:

1. В сборнике «...Их бин нервосо!..» преобладают ксеноразличительные и личностные концептуальные рефлексивы.

2. В концептуальных рефлексивах выражены мысли автора по поводу русского и еврейского менталитетов.

3. В рефлексивах отражается процесс адаптации русского человека к новой еврейской культуре, новому социуму через размышления над словом родным и иностранным.

¹¹⁰ Там же. С. 59.

Заключение

В данной работе был проведен анализ отрывков из сборника рассказов Дины Рубиной «...Их бин нервосо!..» с целью выявить влияние ситуации двуязычия на самосознание человека, на создаваемые им образы и анализ окружающего мира, а также показать воплощение этих размышлений в тексте.

Для достижения поставленной цели нами были изучены теоретические материалы о рефлексии, билингвизме, о биографии Дины Рубиной.

В результате мы пришли к выводу, что билингвизм автора бесспорно влияет на создаваемые им образы, так как они переплетаются с биографией автора, пережитое откладывает свой отпечаток и на личности героев. Билингвизм Дины Рубиной вызывает языковую рефлексию, заставляющую автора не только в жизни, но и в своих произведениях задумываться о языковых реалиях, о том, как они влияют на ее самоощущение и на самосознание ее близких.

Дина Рубина пишет о том, что владение двумя языками, с одной стороны, меняет самоощущение человека, может отдалить друг от друга детей и родителей, но, с другой стороны, может помочь в определенной ситуации. Д.Рубина прослеживает процесс замещения одного языка другим, когда родной язык отходит на второй план в чужой стране, но, в то же время, слова на родном языке приносят необыкновенную радость.

Человек привыкает жить в чужой стране, привыкает к новому, и спустя годы это новое может стать для тебя родным и близким сердцу.

Персонажи Дины Рубиной в сборнике рассказов «...Их бин нервосо!..» тесно связаны с биографией автора.

Список опубликованных источников и литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л., 1975.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
3. Батов В.И. Рефлексия словесного творчества: язык умер, да здравствует язык. Стихи Вадима Рабиновича: опыт психогерменевтики. – М., 2008.
4. Березин Ф.М., Головин Б.М. Общее языкознание. – М., 1979.
5. Берестнев Г.И. Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания. - М., 2001.
6. Богин Г.И. Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста // Вопросы стилистики. Вып. 27. Человек и текст. - Саратов, 1998.
7. Большой словарь иностранных слов. / Сост. Москвин А. Ю. – М., 2007.
8. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. - Ереван, 1976.
9. Вепрева И.Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы // Культурно-речевая ситуация в современной России. - Екатеринбург, 2000.
10. Вепрева И.Т. Рефлективы и их функционально-системная организация // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999.

11. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. - М., 1982.
13. Гак В.Г. Речевые рефлексивы с речевыми словами // Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М., 1994.
14. Новейший философский словарь. / Сост. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. - Минск, 1998.
15. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. А. А. Леонтьева. Вступ. ст. Е.М. Акимкина. Изд. 2-е, доп. – М., 2009.
16. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. - Харьков, 1990.
17. Ейгер Е.В. Языковое сознание и механизм контроля языковой правильности высказывания // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюз. совещания по психологии и коммуникации. - М., 1988.
18. Жданова Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. - М., 2010.
19. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М., 1999.
20. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. - Калинин, 1982.
21. Кваша А. Дина Рубина: «Израиль – это миф». <http://booknik.ru/context/all/dina-rubina-izrail-yeto-mif/>
22. Кормилицына М.А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. - Саратов, 2000.

23. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М., 1999.
24. Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок. - М., 1980.
25. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Деривация. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
26. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - Л., 1979.
27. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. - М., 1993.
28. Лебедева С.В. Психолингвистический подход к проблеме близости значения слов // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. - Тверь, 1998.
29. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – 3-е изд. – М., 2003.
30. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). - Новосибирск, 1986.
31. Лефевр В.А. Рефлексия. – М., 2003.
32. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2004.
33. Михайлова О.А. Жизнь чужого слова в живой речи горожан // Русская разговорная печь как явление городской культуры. - Екатеринбург, 1996.
34. Митюшин А.А. Рефлексия. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах, т. 22. – М., 1975.
35. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. - М., 1989.
36. Новейший иллюстрированный словарь иностранных слов: ок. 30000 слов словосочетаний: более 5000 ил. Гришина Е. А. – М., 2009.

37. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. – М., 2003.
38. Норман Б.Ю. К типологии речевых ошибок (на синтаксическом материале) // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. - М., 1989.
39. Портнов А.Н. Язык, мышление, сознание: Психолингвистические аспекты. - Иваново, 1988.
40. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
41. Прохоров Б.Б. Экология человека. - М., 2011.
42. Рубина Д. Биография. <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/ros/40806/bio/>
43. Рубина Д. Биография.
<http://www.dinarubina.com/biography.html>
44. Рубина Д. «...Их бин нервосо!..»: повести; рассказы. – М., 2011.
45. Сарамотина Л.Х. Обыденная семантизация незнакомых иноязычных композитов носителями русского языка (на материале семасиологического эксперимента). АКД. - Кемерово, 2011.
46. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. - М., 1988.
47. Словарь иностранных слов (Около 10 000 слов). Сост. Уша Т. Ю. – СПб, 2005.
48. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. - Волгоград, 1983.

49. Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика «иноэтно-культурного текста» в русской прозе Дины Рубиной. - М., 2007.
50. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 3-е. – М., 2011.
51. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. - М., 1995.
52. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения, в его кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. - Л., 1958.

Приложение

Анализируемые на предмет рефлексии отрывки из сборника Д. Рубиной «... Их бин нервосо!..»

1. «А когда на спинке израильского автобуса написано фломастером *по-русски*: «Ася – сука», как-то уютнее чувствуешь себя на этой земле...»

2. «Обратите внимание: коверканье языка, комические языковые ситуации занимают сейчас обширное место на страницах юмористических изданий повсюду в эмиграции – Германия, США, Израиле.

Мучительное надевание чужого языка, постепенное переодевание сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит еще и обветшание родного языка, частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках».

3. «В этом перевернутом, вывернутом наизнанку мире наши дети – особая статья. Понятно, что везли их сюда за здоровым национальным самоощущением, чувством собственного достоинства, раскованностью, знанием языка предков, традиций, культуры, религии. Но – Боже мой! – не за тем же, чтоб они потеряли наш болезненно любимый, родной, самый – прекрасный – на – свете русский язык! А они, наши дети, катастрофически его теряют.

Заставить мою двенадцатилетнюю дочь прочесть несколько страниц по-русски – забойный труд шахтера, вгрызающегося в скальные породы.

- Ну, почитай «Трех мушкетеров»!

- Я уже читала на иврите.

- Вот видишь, а роман «Двадцать лет спустя» на иврит еще не переведен. Французского ты не знаешь, выходит, вообще эту книгу не прочтешь? А знаешь, *сколько прекрасных книг на иврит еще не переведены, а на русский уже переведены?* Ты *согласна их не узнать никогда?* А книги своей матери ты тоже будешь на иврите читать?»

4. «И с бессильной горечью наблюдаешь, как медленно и неотвратимо уплывает твое дитя к берегам другого языка, и с ужасом понимаешь, что ему не интересны книги твоего любимого Юры Коваля, что про Мэри Поппинс и про Винни Пуха твой ребенок прочел уже на иврите, а по-русски не прочтет никогда.

Объявление на дверях книжного магазина: «Удержите детям язык!!!»

5. «... отправила свою дочь на уроки русского языка и литературы в вечернюю русскую школу. После занятий пробовала обсуждать пройденное на уроках заискивающим тоном.

- Ну... что вы сегодня учили?

- Этого... ну... *Толстов.*

- Льва Николаевича Толстого! – *преувеличенно артикулируя*, говорю я. – Великого русского писателя. Что именно вы читали?

- Это... «Сливная костячка»...

- «Косточка»! – *подхватываю я с преувеличенным вдохновением.* - <...> А ты можешь пересказать мне содержание?»

<...>

- В общем, там *подняли хай из-за фруктов...* Представляешь, считали, кто сколько съел! И папа сказал детям: «Дети мои! Или вы съели эту сливу? Или вы *хотите через это хорошо получить? Не говоря уже об совсем умереть?..*»

6. « - *Опечатка!* – кричит он мне. – Ну и *опечаточка!*

И показывает в разделе «Объявления»: *«Каин с большим опытом предлагает услуги по части обрезания».*

Ну, конечно. Наборщица, наверняка новая репатриантка, вместо «*коэн*» набрала *более понятное ей – «Каин»*, мгновенно вписавшись в стихию этого вечного, невозможного, неостановимого ни на минуту, трагически прекрасного карнавала».

7. *«Как вообще сознание русскоязычного человека может воспринять язык, на котором неприлично звучащее слово «ялда» означает «девочка»?*

И вот: приезд в Иерусалим, обязательный «ульпан» - курсы иврита...

Что там «ялда», доложу я вам (которая, кстати, через каких-нибудь два-три урока *бегло и просто произносится всеми как «елда»!*) Что там *невинная «ялда»*, повторяю, если наш преподаватель <...> каждые три минуты бодро повторяет *непристойное слово «Схуёт»*, от которого *напрягается и переглядывается вся группа.*».

«- Как будет по-русски «схуёт» - спросила она на иврите, оглядывая класс. Повисло секундное молчание и один из учеников, пожилой доктор исторических наук, сказал в тишине мрачно:

- Да так и будет...

И все расхохотались».

8. *«... я отказалась от прекрасной съемной квартиры - <...> - только по одной причине: дом, в котором маклер предлагал нам снять эту квартиру, стоял на улице Писга. Я представила себе, как сообщаю свой адрес московским друзьям, и как, посылая письма, они выводят на конверте: Pisga-strit...»*

<...> (Между прочим, «*писга*» означает – «*вершина*». Я потом жила в поселении, которое называлось «*Вершины*» - во

множественном числе – «*Псагот*». И ничего. *Очень любила это место.*)»

9. «- Сколько я должна вам выписать, Фирочка?

<... >

- Можете выписать дохуя...

<...>

- Ну... *столько у меня нет*. Но если вы назовете определенную сумму, то я выпишу чек.

<...>

- Боже мой! Боже мой! – воскликнула она, всплеснув руками, - *что вы подумали?! Чек «дахуй», это значит, «отсроченный чек», а вы подумали... в моем доме!!»*

10. «... как услышу *незнакомое словосочетание на иврите*, в котором явственно слышны знакомые русские слогги или даже слова, стараюсь помалкивать или, по крайней мере, *реагировать осторожно*. Правда, и тут случались *накладки*».

11. «- А, - говорит, - да. *Тамхуй*.

Черт меня потянул за язык.

- Что, - *спрашиваю сочувственно*, - *плохо кормят?*

- Да нет, почему – плохо? Кормят хорошо. Только это не выход из положения.

Тогда я и сообразила, что слово «*тамхуй*», собственно, и означает – «*благотворительная столовая*» <...> Что стоит, например, одно только слово «*ибуд*» (*потеря*)? А, производное от него – «*ибадти*» - («*я потерял*»)?

<...> *В любом языке есть слова, воспринимаемые с трудом носителями других языков. Важно то, как влияет на человека чужая языковая группа в совершенно новой реальности)*».

12. «В один из таких его оборотов, когда на нас вновь остановился пристальный изучающий взгляд, Миша улыбнулся и спросил доброжелательно:

- *Ата (ты) мудака?*

Я онемела.

<...>

- *С чего это вдруг я – мудака? Я вовсе не мудака.*

<...>

- ... Миша, за что *ты* обозвал этого человека?

- Кого? - спросил, изменившись в лице Миша, - *Как обозвал?*

- За что *ты* обозвал его мудаком?

Хейфиц напрягся и... *расхохотался.*

- *«Мудъаг»!* - повторял он, хохоча, - *«Мудъаг» - «обеспокоен»!* Я спросил его – не обеспокоен ли он чем-то. Он ответил: с чего это вдруг мне беспокоиться?

Однако живешь-живешь, и *привыкаешь...* Более того – постепенно *теряешь чувствительность «русского уха» к звучанию слова, начинаешь прилагать немислимые усилия, чтобы не засорять речь привычными названиями на иврите.* И это, поверьте, действительно *требует значительных усилий,* потому что *иврит – как язык – более «удобен» в употреблении, сжат, краток, ёмок.*

Отрывок из Пятикнижия *на иврите* занимает на странице, скажем, *три-пять строк;* перевод на русский того же отрывка *занимает почти всю соседнюю страницу».*

13. « - Я говорю «менаэлю» (начальнику): «Пока я не подпишу «хозе» (договор) со всеми «тнаим» (условиями) – я работать не стану. Я без «пицуим» (денежной компенсации при увольнении), без «битуах леуми» (национального

страхования) и без «купот-гимел» (пенсионных касс) не буду работать!»

14. *«Жители мошава назывались «мошавники». Я читала и содрогалась. Как же не чувствует переводчик, думала я, что это слово ассоциируется в русскоязычном сознании сразу с тремя словами: «мошенник», «шавка» и «мошона»!*

Прошло несколько лет, и я совершенно спокойно слушаю в последних известиях и про мошавников, и про кибуцников. <...> Я даже привыкла, наконец, к тому, что имя моей дочери Евы звучит в настоящем, переводном варианте как «Хава» (правда, с ударением на последнем слоге). Мне уже не слышится в звучании этого имени словечко провинциальных лабухов – «хавать» <...> Больше не ассоциирую. Сознание отсекает. Сознание раздваивается и живет отдельной – русской жизнью – дома, в кругу близких друзей».

15. *«Вот и сейчас, сижу за компьютером, а в соседней комнате ссорятся на древнееврейском дочь и сын. Они долго и подробно выясняют отношения, прибегая к сложным словесным выкрутасам (большинство из них я не понимаю и не вдаюсь); это совершенно не похоже на русскую ругань – иные принципы словообразования».*

16. *« - «Со мной только по-русски!» - кричу я в ответ на ту или иную, обращенную ко мне фразу на иврите. И они пытаются, бедные. «Хочешь макарон?» - спрашиваю я дочь, и она отвечает смиренно: «Нет, спасибо. Я – не любовник макарон». Или когда мне звонят и, попадая на дочь (голоса похожи), спрашивают: «Это Дина?», она отвечает терпеливо:*

- «Нет, это ребенок от Дины. Она не находится».

17. *«Кстати, есть слова на иврите до смешного похожие и по смыслу и по звучанию на русские. Например, слово «нудник», означающее просто – «зануда».*

18. *«Что касается настоящего русского мата в полнокровной повседневной жизни израильтян, то он тоже имеет место. <...>*

Правда, с течением времени *смысл того или иного выражения сместился, как-то смазался, пожух.*

Например, очень распространенное здесь выражение «*лех кебенимат*» означает всего навсего что-то вроде – «*иди к черту*».

В Тель-Авиве даже *есть ресторанчик – «Кебенимат».*

19. «И тогда тетка *грозно покрикивает: «Рэга!!»* - (слово, означающее, вообще-то «*мгновение*», но имеющее, по крайней мере, *еще десяток смыслов*, в зависимости от ситуации, например: «*погоди*», «*дай сказать!*», «*дай сделать!*», «*не перебивай*», «*минуточку!*». Существует израильский анекдот, один из многочисленных – об израильской армии: евреи запускают ракету: «*пять... четыре... три... два... оди... рэга... рэга... рэга... старт!!!*»

20. «*Все, геверет, закрыли заседание Кнессета*».

21. «*После «Великой алии» девяностых среди водителей «Эгеда» стали попадаться бывшие советские граждане*».

22. «*- Спроси у водителя, бэсэдэр?*»

23. «*- Мой отец звал моего деда «Аба-мори» (Отец, учитель мой)...* Я звал своего отца просто «*аба*»... Мой сын зовет меня – Габриэль... А его сын, вероятно, будет подзывать его вот так: - и писатель прищелкнул пальцами – жест, каким подзывают на Востоке слугу».

24. «*И вот этот облизанный заласканный «мами», едва вынув соску изо рта, идет в школу, где его не слишком нагружают уроками, развлекают и оберегают*».

25. «*До армии ругалась с этим «мотэком» по поводу полуночных песен под моим окном*».

26. «*Подъехавший автобус осаждают солдаты из бригады «Голани»*».

27. «*- Садись, садись, мотэк...*»

28. «*- Видишь ли, мотэк...*»

29. « В эту пятницу читали отрывок *«Веикра»* - «И сказал Г-дь *Моше»*...

30. «... и он с удовольствием поет *хазанут* – еврейскую литургию».

31. «Выясняется, что это *Талмуд* с комментариями *Раши*».

32. «Вообще, если бы я был евреем, я бы стал *сатмарским хасидом*».

33. «... *«Джина из Матнаса»*. *Матнас* – на иврите – *Дом культуры*...»

34. «... где в *Матнас на Пурим* приезжает группа художественной самодеятельности города *Ехуд*...»

35. «У кого сегодня в Израиле нет «пелефона»?

36. «Только то, что живу я на улице *«Цильцаль»*, что означает – вот именно! – *«звонок»*».

37. «Договорились, что встретят меня на *«тахане мерказит»* - центральной автобусной станции».

38. «Казалось – проведу рукой по грудной клетке, и нащупаю *шов, грубый, не зарубцевавшийся, коллоидный безобразный шов на моем, рассеченном надвое, естестве*...»

39. «Вообще, ощущение странности твоего пребывания в бывших пределах бывшей твоей жизни не покидает ни на минуту. Странно: все люди, говорящие уже на каком-то неувимом языке, любимый твой Ленинград, который надо называть книжным именем Санкт-Петербург <...> ощущение повторяющегося навязчивого сна из прошлого, с вкраплением посторонних деталей западной жизни...»

40. «...ведь как ни крути, а жизнь вокруг тебя проходит совсем на другом языке. Ты, конечно, можешь позвонить приятелю, или даже собрать у себя компанию друзей и весь вечер с наслаждением вслушиваться в свободно льющуюся русскую речь... Но, все-таки, это будет язык людей одного, довольно узкого круга. А где уличная толпа, ее водоворот случайно выхваченных словечек, фраз, матерка, перепалки

продавщицы с покупателем? Где, в конце концов, душевные беседы с собственными детьми?! Все, тью-тью, нет их, этих душевных бесед, и теперь уже не будет никогда!

А собственная дочь приходит из школы и, захлебываясь от возмущения, торопится рассказать:

- ...И тогда у мевия шней придурки, и те леагид какие-то штуйот! («и тогда он привел двух придурков, и те стали говорить какие-то глупости»)